Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с Нижней Пышмы

А. П. Бородовский¹, Ю. В. Оборин²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Независимый исследователь
Красноярск, Россия*

Аннотация

Изучается комплекс бронзовых предметов (копья, ножи, кельты, пешня и личина), недавно обнаруженных на территории Тюменской области в нижнем течении р. Пышма. Состав этих изделий в полной мере соответствует типичному комплексу артефактов сейминско-турбинского периода. Особое внимание в составе коллекции привлекает пластинчатая личина с рельефным составным носом. Иконография и конструктивные особенности этого предмета торевтики эпохи развитой бронзы имеют аналогии как среди объемных каменных антропоморфных изображений самусьской культуры на юге Западной Сибири, так и среди деревянных масок с гипертрофированными носами культуры Сяохэ в Синьцзяне. В дальнейшем такие стилистические особенности антропоморфных масок сохранялись вплоть до этнографического времени не только на лесных территориях Западной Сибири, но и в Центральной Азии. В целом все найденные предметы позволяют рассматривать их в рамках культовой атрибутики и транскультурного феномена развитой бронзы.

Ключевые слова

Западная Сибирь, эпоха развитой бронзы, сейминско-турбинский период, комплекс бронзовых металлических предметов, культовая атрибутика, ритуальные личины, транскультурный феномен

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН (№ 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири»)

Для цитирования

Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с Нижней Пышмы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 103–118. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-103-118

Items of the Seima-Turbino Metal Complex from Lower Pyshma River

A. P. Borodovsky¹, Yu. V. Oborin²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Independent Researcher
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. This article examines the collection of recently discovered items from lower Pyshma River (Tyumen region, Tyumen district), belonging to the Seima-Turbino time, which to be found on the territory of Eurasia is rather a rare archaeological phenomenon.

Results. The researchers identified a set of items encompassing bronze objects – spears, knives, celts, an ice pick and mask. This composition of items entirely reflects a standard set of artifacts belonging to the Seima-Turbino time. Furthermore, this set of items is obviously close to religious collections (Galichsky Klad), which contained anthropomorphic metal objects. Of special interest in the collection is a metal mask with a protruding nose made of bronze plates. The sharp angled upper and lower parts of the face are considered to be its culturally determining signs. The shape and appearance of the top of the head may well be classified as headgear characteristic of the Samus'sko-Seima time. Such tight-fitting hats are typical of various samples of anthropomorphic plastic art in the south of Western Siberia. The iconographic features of this toreutics item belonging to the Bronze Age largely encapsulates peculiarities of similar-purpose images that existed in the forest territories of Western Siberia up until the Middle Ages.

Conclusion. It is important to emphasize that this collection presents great significance in terms of studying non-ferrous processing technologies. Overall, the discovered items can be considered as both a set of tools, and as part of cult paraphernalia and the transcultural phenomenon of Middle bronze Age, especially in connection with the discovered bronze mask.

Keywords

Western Siberia, the era of developed bronze, the Seima-Turbino period, a complex of bronze metal objects, religious paraphernalia, ritual masks, transcultural phenomenon

Acknowledgements

The work was performed as part of the Research program IAE SB RAS (project 0329-2019-0007 “Study, conservation and museumification of the archaeological and ethno-cultural heritage of Siberia”)

For citation

Borodovsky A. P., Oborin Yu. V. Items of the Seima-Turbino Metal Complex from Lower Pyshma River. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 103–118. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-103-118

Введение

В 2018 г. авторам настоящей статьи стало известно о существовании частной коллекции, включающей несколько серий металлических предметов сейминско-турбинского типа. Она происходила с территории нижнего течения р. Пышма (Тюменский район Тюменской области) (рис. 1). Удалось установить, что это собрание было обнаружено не ранее 2017 г. В его состав входят 20 металлических предметов, представленных наборами пластинчатых ножей, вильчатых одноушковых копий, кельтов и единичных изделий (личина и пешня) (рис. 2). Учитывая актуальность сейминско-турбинской проблематики как в евразийском, так и в более локальном контексте, данное собрание, безусловно, представляет научный интерес, даже с учетом его неоднозначного происхождения. Прежде всего речь идет о необходимости введения в научный оборот серийных и уникальных металлических предметов эпохи бронзы Урала и Западной Сибири, полученных вне контекста профессиональных археологических исследований [Молодин, Нескоров, 2010; Дегтярева, Нескоров, 2015]. Не менее важным фактором является попытка установления территориальной закономерности происхождения этой коллекции и ее интерпретация в рамках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Все это является целью и задачами нашего исследования.

Анализ материалов

Пышма является правым притоком Туры. Она от своего истока на восточном склоне Уральских гор протекает в основном в юго-восточном направлении по территории Среднего Урала (югу Свердловской области) и Западной Сибири (Тюменской области), по границе зон южной тайги и затем северной лесостепи. Протяженность нижнего течения Пышмы в пределах Тюменского района Тюменской области составляет 150 км (см. рис. 1). К началу 90-х гг. прошлого века на территории Тюменской области по р. Пышма (правобережье и левобережье) было известно три десятка различных археологических памятников [Бородовский, Бородовская, 2013. С. 83–85]. В связи с тем, что точная локализация Пышминской коллекции не установлена, ее местонахождение можно связывать только с нижним течением р. Пышма в целом.

Рис. 1. Место нахождения Пышминской коллекции:
1 – Тюменская область; 2 – Тюменский район Тюменской области (нижнее течение р. Пышма)

Fig. 1. The location of the Pyshminsky collection:
1 – Tyumen region; 2 – Tyumen district of the Tyumen region (the Lower reaches of Pyshma River)

Рис. 2. Пышминская коллекция:

1–4 – наконечники копий; 5–7 – ножи; 8 – личина; 9–19 – кельты; 20 – пешня
(1–7, 9–20 – бронза; 8 – бронза, дерево)
(фото Ю. В. Оборина)

Fig. 2. Pyshminsky collection:

1–4 – spearheads; 5–7 – knives; 8 – mask; 9–19 – celts; 20 – ice pick
(1–7, 9–20 – bronze; 8 – bronze, wood)
(photo by Yu. V. Oborin)

Характеризуя эту коллекцию, следует подчеркнуть, что в ней представлен практически полный комплект изделий, которые характеризуются как сейминско-турбинский металлический комплекс – втульчатые наконечники копий, пластинчатые ножи и кельты (рис. 2–5) [Черных, Кузьминых, 1989. С. 38–100].

Размеры наконечников (4 экз.) различные – от 40,6 см до 10,8 см. Такие особенности изделий, скорее всего, отражают различное функциональное назначение этих предметов вооружения – от полноценных копий до дротиков.

Все они имеют удлиненное широкое перо. Однако его очертания у отдельных предметов различны. Так у одного из самых больших наконечников перо наиболее близко к обоюдно заостренной листовидной форме (рис. 3, 1), тогда как лезвия других имеют «пламявидные» очертания (рис. 3, 2–4). В этой связи следует подчеркнуть, что такая особенность морфологии втульчатых сейминско-турбинских копий характерна для них в целом [Там же. С. 66. Рис. 26, 3; С. 68. Рис. 28, 1].

Рис. 3. Наконечники копий (фото Ю. В. Оборина)

Fig. 3. Spear tips (photo by Yu. V. Oborin)

Лезвия всех наконечников из Пышминской коллекции дополнены трехреберчатым вильчатым стержнем, переходящим во втулку изделия с одним боковым ушком. Центральная часть стержня имела наибольшую длину и являлась ребром жесткости лезвия предмета. Форма втулки обладала небольшой конусностью, необходимой для более надежного (уплотняющего) крепления деревянного древка. На всех наконечниках на втулке располагался рельефный декор в виде нескольких (от двух до пяти) рельефных горизонтальных валиков. На втулке одного из них боковое ушко, примыкающее к рельефному декору, сохранилось частично (рис. 3, 2). Все предметы имели хорошую сохранность, но на них присутствовали явные следы их использования, представленные сколами и небольшими погнутостями пера, а также утратами части краев и фрагментацией одного из ушек (рис. 3, 1–4).

В целом набор предметов мог составлять специализированный метательный комплект. По типологии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, копьё и дротики коллекции относятся к разряду копий КД-4 и КД-8 [Черных, Кузьминых, 1989. С. 66. Рис. 26, 3; С. 68. Рис. 28, 1, 3]. Такая разновидность предметов является одной из наиболее специфических категорий сейминско-турбинских металлических изделий [Там же. С. 70, 73. Рис. 33]. При этом необходимо отметить, что все втульчатые наконечники копий достаточно равномерно распространены по территории Евразии [Там же. С. 73]. Это затрудняет использование их в качестве узко датированных изделий в составе различных собраний, включая ритуальные и погребальные комплексы, а также клады. Наиболее территориально близкой аналогией копий из Пышминской коллекции являются наконечник из Омского «клада» и случайная находка копья с устьем р. Тары [Косарев, 1981. С. 94. Рис. 34, 5; Черных, Кузьминых, 1989. С. 68. Рис. 28, 3].

Следует также упомянуть о нескольких интересных особенностях так называемых «ушковых» наконечников копий. Одной из них является престижность предметов колющего вооружения с таким элементом, которая позволяла использовать копье еще и как навершие «штандарта» с определенной ритуальной символикой [Бочкарев, 2010. С. 141]. Другой важной особенностью является то обстоятельство, что к середине II тыс. до н. э. ушки на втулках копий стали самодостаточным и самостоятельным элементом, вытеснив другие детали их декора [Бочкарев, 2010. С. 138]. Поэтому сочетание на всех втулках ушек и различных вариантов рельефных валиков позволяет датировать эти предметы временем до первой половины II тыс. до н. э.

Поскольку ранее более половины находок сейминско-турбинских втульчатых наконечников копий локализовалось к западу от Урала [Черных, Кузьминых, 1989. С. 73], то Пышминская коллекция позволяет внести существенные коррективы в наши представления о пропорциональности соотношения таких артефактов в различных регионах Северной Евразии. Следует также подчеркнуть, что находка еще четырех втульчатых наконечников копий с боковой петелькой существенно расширяет собрание такой разновидности колющего оружия указанного времени для Западной Сибири в целом.

Двулезвийные пластинчатые ножи (3 шт.) из изучаемой коллекции – это короткие (10,2 см), средние (13 см) и длинные (19 см) изделия (рис. 4), представляющие все основные параметрические группы таких ножей. По типологии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, они относятся к разряду НК-6. Имеют выделенные массивные короткие черенки, на которых сохранились фрагменты древесных волокон от рукоятей. Клинки подтреугольного или листовидного очертания прокованы с двух сторон и отделены от черенков сравнительно слабо намеченными «плечиками». Такие разновидности режуще-колющих инструментов сейминско-турбинского времени были широко распространены в Восточной Европе, Зауралье и Западной Сибири, включая Прииртышье (Ростовка) и Приобье (Клепиково) [Черных, Кузьминых, 1989. С. 92–99. Рис. 55; Сериков и др., 2009. С. 71. Рис. 4; Сатыга..., 2011. С. 106. Рис. 2. 2, 6; С. 110. Рис. 2.7, 2; Илл. 5, 2–6]. Среди ножей Пышминской коллекции особое внимание следует обратить на изделие с боковым выступом (не срезанная литейная закраина) на участке края окончания его черенка (рис. 4, 2). Этот предмет имеет явные аналогии с одним из пластинчатых ножей из культового собрания памятника Шайтанское Озеро II на Среднем Урале [Сериков и др., 2009. С. 71. Рис. 4, 11].

Рис. 4. Ножи (фото Ю. В. Оборина)
Fig. 4. Knives (photo by Yu. V. Oborin)

Кельты (11 шт.) отличаются целым рядом характерных особенностей (рис. 5, 1–11). Их длина варьирует от 18 до 10 см. Все они имеют по краям резко выраженные рельефные ребра жесткости. По сравнению со втулками лезвия расширены. Кроме соответствующих пропорций данного элемента, заложенного уже на уровне литейной формы, лезвия кельтов приобретали свой окончательный вид при проковке. Венчики втулок не были усилены дополнительными валиками, боковые ушки на изделиях отсутствовали. Неорнаментированными были семь кельтов (рис. 5, 1–7). Такие признаки позволяют отнести их к относительно ранним сейминско-турбинским формам [Сатыга..., 2011. С. 72]. По типологии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, все безушковые кельты из Пышминской коллекции можно отнести к нескольким разрядам: К-4, К-6, К-14 [Черных, Кузьминых, 1989. С. 40. Рис. 3; С. 44. Рис. 7; С. 50. Рис. 12].

Рис. 5. Втульчатые орудия: 1–11 – кельты; 12 – пешня
(фото Ю. В. Оборина)

Fig. 5. Bronze sleeve tools: 1–11 – celts; 12 – ice pick
(photo by Yu. V. Oborin)

Инструменты имели следы активного использования (сколы и замятости по краям лезвия, обломы краев втулки и др.). На нескольких предметах фиксировалась выработка с одной стороны лезвия (рис. 5, 2, 8, 11). Это обстоятельство указывает на использование их в качестве топоров (лезвия орудий располагались параллельно оси рукояти). Остальные орудия, видимо, применялись в качестве тесел (рис. 5, 1, 3–7, 9, 10). В целом кельты из Пышминской коллекции отличаются значительным разнообразием (включая декорирование). Такая специфика может косвенно свидетельствовать о длительности периода их собирания (при условии, что находки являются одним комплексом).

Отдельно следует остановиться на изучении орнаментики данных изделий. Так, четыре кельта украшены параллельными тонкими валиками (иногда с внутренней перпендикулярной штриховкой) с поясом в виде заштрихованных треугольников-фестонов (рис. 5, 8–11). Внутренняя «штриховка» длинных треугольных фестонов представлена в двух вариантах: один из них – это почти вертикальная «штриховка» (рис. 5, 8, 9); другой – наклонная (рис. 5, 10–11). На некоторых экземплярах с фестонами верхние параллельные валики имели перпендикулярную «штриховку» (рис. 5, 8–11). Этот орнаментальный элемент именуется «сейминской» лесенкой и является одним из характерных и определяющих в композиционном смысле [Бочкарев, 2010. С. 65]. Часть предметов (рис. 5, 8–10) относится ко второму типу композиции декора сейминско-турбинских кельтов, датирующихся в пределах XVIII–

XIV вв. до н. э. [Там же. С. 67, 70]. Наиболее близкой территориальной аналогией орнаментированным кельтам Пышминской коллекции является предмет из Омского «клада» [Косарев, 1981. С. 94. Рис. 34, 6].

Назначение единичного втульчатого приостренного изделия длиной 12 см из Пышминской коллекции (рис. 5, 12) необходимо уточнить. Так, в публикациях различных авторов подобные инструменты назывались либо втульчатыми копьевидными долотами [Мошинская, 1957. С. 145. Рис. 61, 2; Кузьмина, 1968. С. 13. Рис. 4, 3], либо втульчатыми чеканами [Сериков и др., 2009. С. 69, 73]. Однако в действительности по своим морфологическим и функциональным признакам это изделие соответствует пешне (лому) – острому металлическому наконечнику на деревянной рукояти. Такие изделия достаточно часто встречались в составе предметных комплексов кладов эпохи палеометалла на территории юга Западной Сибири и Средней Азии [Мошинская, 1957. С. 145. Рис. 61, 2; Кузьмина, 1968. С. 13. Рис. 4, 3], а также в собраниях культовых комплексов Среднего Прииртышья и Среднего Урала [Матющенко, Синицына, 1988. С. 100. Рис. 80; С. 101. Рис. 89, 1, 2; Сериков и др., 2009. С. 69, 71]. Наиболее территориально близкой находкой на востоке является изделие из Баландинского клада (Омская область, левый берег Иртыша) [Мошинская, 1957. С. 145. Рис. 61, 2]. На западе аналогии этому изделию можно найти среди комплекта металлических изделий ритуального (культового) места Шайтанское Озеро II на Среднем Урале [Сериков и др., 2009. С. 73. Рис. 7, 9, 1]. Впоследствии именно такой тип инструментов достаточно часто встречался в составе кладов различных периодов эпохи раннего железа на Среднем Енисее. Таким образом, бронзовую пешню можно рассматривать в качестве одного из наиболее поздних по происхождению предметов изучаемой коллекции. Датировка изделия – рубеж II–I тыс. до н. э., т. е. эпоха поздней бронзы.

Особое внимание в составе Пышминской коллекции привлекает металлическая пластинчатая личина с рельефным составным носом (рис. 6). Размер изделия – 186 × 128 мм. Имеет овальную форму. Выполнено методомковки (чеканки) из листа цветного металла. По периметру пробито 31 отверстие для крепления к органической основе. Глаза выполнены в виде небольших округлых отверстий, обрамленных невысоким валиком. Надбровные дуги намечены рельефными чеканными выступами. Нос был изготовлен отдельно и представляет собой полую подквадратную втулку из листа цветного металла. В нее вставлялся небольшой деревянный стержень с подчеркнуто клиновидным окончанием (рис. 6, 4, 5), возможно, являвшийся частью сучка дерева (или отдельного клина). Рот выполнен чеканкой с одним рельефно обозначенным рядом оскаленных зубов.

Отметим, что иконография и конструктивные особенности этой личины имеют явные аналогии с ритуальными деревянными масками культуры Сяохэ в Синьцзяне [Молодин и др., 2019. С. 74–75. Рис. 2]. Среди признаков сходства следует особо отметить крупные, объемно обработанные, сильно выступающие носы, рельефно выполненные брови и округлые глаза. Не менее важной изобразительной деталью является открытый рот с одним рядом оскаленных зубов – эта деталь близка по своему оформлению декоративному элементу «сейминская лесенка», широко распространенному в металлопластике эпохи развитой бронзы Евразии. [Бочкарев, 2010. С. 65]. Подчеркнем, что возможное покрытие деревянной скульптуры маской из металла в Пышминской коллекции и кожей на нескольких сходных изделиях с оз. Лобнор (Синьзянь) [Там же. С. 75. Рис. 2, 1б, 2б], вероятно, являются не только технологическими особенностями, но и важными атрибутами, подчеркивающими ритуальный статус таких предметов. Так, в более поздней антропоморфной ритуальной атрибутике севера Западной Сибири использование металла было одновременно статусным и сакральным признаком.

Особое значение имеет датировка маски из Пышминской коллекции. Подчеркнем, что хронология деревянных масок с гипертрофированными носами с оз. Лобнор относится их исследователями к XVII–XV вв. до н. э. [Молодин и др., 2019. С. 71]. Следует также упомянуть,

Рис. 6. Личина:

1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона; 3 – лицевая сторона в пол-оборота;
4 – деревянное основание носа; 5 – металлическое покрытие носа
(фото Ю. В. Оборина)

Fig. 6. Mask:

1 – front side; 2 – back side; 3 – front half angle view;
4 – wooden base of the nose; 5 – metal coating of the nose
(photo by Yu. V. Oborin)

что «некитайские» модели лица представлены в объемном декоре некоторых ритуальных металлических сосудов заключительного периода Шан (XIII–XII вв. до н. э.) на юге Китая [Погребенные..., 1998, С. 35, 36; Стафутти, Романгнопи, 2015. С. 35. Рис. 35]. В то же время среди каменных антропоморфных объемных изображений самусьской культуры на юге Западной Сибири широко представлена передача вида человеческих лиц с гипертрофированно длинными выступающими крупными носами, широко открытыми округлыми глазами [Косарев, 1981. С. 102. Рис. 37, 7, 8; Матющенко, 2006. С. 316. Рис. 1, 3, 6, 8]. Такие особенности можно интерпретировать как воспроизведение определенного антропологического своеобразия, что более всего соответствует не монголоидному, а европеоидному типу лица. Следует подчеркнуть, что в Синьцзяне «европеоидные» культуры представлены уже начиная с афанасьевского времени [Молодин, Алкин, 2012. С. 152, 153].

В отношении пышминской личины можно также говорить о попытке достаточно точного воспроизведения антропологических особенностей. Это, кроме сильно выдающегося носа, косвенно подтверждается совпадением пропорций расстояния между изображением круглых зрачков. Оно составляет 58 мм, что примерно соответствует межцентровому расстоянию между зрачками глаз человека.

Но кроме сходства антропологических прототипов для деревянных масок с оз. Лобнор и металлической личины из Пышминской коллекции следует отметить и их отличия. Так, для определения культурного и хронологического своеобразия антропоморфных предметов из Синьцзяна особое значение имеет обмотка лиц нитями. Они образуют несколько поперечных полос на лице. Именно этот элемент позволяет соотносить маски с оз. Лобнор с окуневской традицией, представленной не только на каменных изваяниях [Молодин и др., 2019. С. 76,

77. Рис. 3], но и на рельефных изображениях отдельных каменных плит погребальных ящиков Среднего Енисея [Материалы..., 2012. С. 222. Рис. 7, 10; С. 224].

Для личины из Пышминской коллекции культурно определяющими признаками можно считать приострение верхней и нижней частей лица. Верхняя приостренная часть головы вполне может быть соотнесена с характерным для самусько-сейминского времени головным убором. Именно такие плотно облегающие голову «шапочки» типичны для различных образцов антропоморфной пластики юга Западной Сибири [Molodin, 2015]. Следует также упомянуть о недавно обнаруженном каменном остроголовом антропоморфном жезле из с. Долина Свободы на Северном Алтае [Бородовский, Бородовская, 2013. С. 144. Рис. 51, 1, 2], на котором подбородок явно приострен [Там же. С. 214. Рис. 121, 12]. Такая деталь сближает его с общим абрисом нижней части головы на пышминской личине, что позволяет предполагать попытку изображения клиновидной бородки в обоих случаях. Аналогичное приострение подбородка характерно также для одной из антропоморфных фигурок из памятника Турист-2, изготовленной из бивня мамонта в эпоху развитой бронзы в Новосибирском Приобье [Басова и др., 2019. С. 57. Рис. 4]. Другим вариантом интерпретации приостренного подбородка у пышминской личины могут быть достаточно многочисленные аналогии с таким элементом среди петроглифики и некоторых предметов мобильного искусства, выступающим характерной чертой антропоморфных изображений Верхнего и Среднего Енисея окуневского времени [Заика, 2013. С. 37. Рис. 1, 16; С. 39. Рис. 3, 6, 8, 9; 4, 10, 15; Кожин, 2013. С. 32]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что на деревянных масках с гипертрофированными носами с оз. Лобнор, в сравнении с металлической личиной из Пышминской коллекции, верхняя часть головы уплощена значительно больше, а подбородок имеет более плавные очертания, близкие к естественной форме [Молодин и др., 2019. С. 75. Рис. 2, 1a–3a]. Очевидно, что в таких особенностях проявляются локально-территориальные отличия антропоморфных изображений эпохи бронзы юга Западной Сибири и Центральной Азии.

Важно подчеркнуть, что «остроголовость» ритуальных антропоморфных изображений, происходящих с различных территорий Западной Сибири, прослеживается с эпохи развитой бронзы [Колобова и др., 2019. С. 74. Рис. 9] и до этнографической современности [Бауло, 2013. С. 54. Рис. 53–64]. Для ритуальной практики населения северных территорий Западной Сибири, соседствующих с Зауральем, также характерно сохранение вплоть до современности берестяных масок с удлинёнными носами [Там же. С. 156. Рис. 204].

Обсуждение

Разнообразие изделий и их размеров, а также несколько функциональных категорий предметов (орудия, оружие и ритуальные принадлежности) Пышминской коллекции вполне соответствуют наборам кладов или предметных собраний культовых комплексов. Если ее интерпретировать как клад, то можно указать на упоминание И. Я. Словцовым в конце XIX в. о попытке поиска клада на Мулашинском городище, расположенном напротив одноименных юрт на левом берегу нижнего течения Пышмы (в пределах современных границ Тюменского района Тюменской области) [Бородовский, Бородовская, 2013. С. 83]. В наше время попытки поиска кладов на этой территории продолжились. При этом следует подчеркнуть, что Пышминская коллекция имеет целый ряд признаков, сближающих его с кладами. Прежде всего это явные отличия предметных собраний кладов, состоящих из многочисленных и разнообразных изделий от «аналогичных» комплектов сопроводительного инвентаря из погребений по целому ряду критериев. Среди них сочетание компактности и широты хронологических рамок предметных комплексов, а также встречаемости различных типов вещей и их серийности.

По количественному критерию клады можно разделить на несколько групп: большекомплектные (от сотни предметов и больше), среднекомплектные (несколько десятков изделий), малокомплектные (несколько вещей). Исходя из этих параметров Пышминскую коллекцию,

если она является кладом, следует отнести к среднекомплектному собранию (два десятка предметов). В его состав входит серия различных бронзовых вещей (наконечники копий, ножи, кельты), а также единичные изделия (пешня и личина). Кроме того, сочетание в коллекции серий однотипных ножей, наконечников копий и кельтов может быть одним из оснований для относительной датировки этого предметного комплекса. Втульчатые одноушковые наконечники копий с широким пером, как и безушковые кельты из описанного собрания, скорее всего, относятся к периоду не ранее середины II тыс. до н. э.

Если Пышминская коллекция является кладом, то этот предметный комплекс соответствует наиболее раннему периоду его формирования. К тому же времени, возможно, относится и металлическая личина. Широта встречаемости таких объемных антропоморфных изображений с гипертрофированными носами совпадает с периодом максимального территориального распространения сейминско-турбинских бронз на территории Евразии [Черных, Кузьминых, 1989. С. 261]. Однако в таком случае наличие единичного наконечника бронзовой пешни среди комплекта сейминско-турбинских изделий (кинжалов, кельтов и копий) указывает на относительно позднее время завершения его формирования). Хронологически это рубеж II–I тыс. до н. э. Для данной коллекции одним из ближайших комплексов, включающих сейминско-турбинские предметы, является Ростовкинский клад [Молодин, Нескоров, 2009; Дегтярева, Нескоров, 2015]. В этом собрании они также являются наиболее архаичными вещами.

В качестве явного отличия собрания кладов от сопроводительного инвентаря разрушенных погребальных комплексов следует привести аргументацию по интерпретации Омского и Омарского «кладов». Эти комплексы, хотя и совпадают с Пышминской коллекцией по основному перечню входящих в них предметов (пластинчатые двулезвийные ножи, втульчатые одноушковые наконечники копий и кельты), но не соответствуют ей по незначительному количеству предметов [Черных, Кузьминых, 1989. С. 6, 28]. Кроме того, для некоторых из этих собраний (Омарский «клад») позднее были установлены косвенные признаки наличия на территории их обнаружения погребальных комплексов (могильник Березняки-Омары). Для коллекции сейминско-турбинских металлических предметов с Нижней Пышмы такая детализация контекста обнаружения не может быть установлена. Поэтому следует еще рассмотреть возможность ее принадлежности к ритуальному комплексу.

В рамках интерпретации коллекции как комплекта предметов культового или ритуального места следует упомянуть, что, по одной из версий, происхождение гидронима Пышма соотносится с хантыйским словом «пысынг» – «святой» [Матвеев, 2008]. Не менее важно и то, что в районе верховьев этой реки (на Среднем Урале) расположено культовое место на Шайтанском озере, среди комплекта сейминско-турбинских металлических изделий которого есть целый ряд сходных категорий [Серигов и др., 2009. С. 71. Рис. 5; С. 73. Рис. 7].

Кроме обсуждения вариантов интерпретации функциональной принадлежности Пышминской коллекции не менее важным является ее историко-культурное значение. Давно отмечено, что сейминско-турбинский культурный феномен имеет несколько выраженных (западных и восточных) территориальных компонентов [Черных, 2013. Т. 1. С. 269; Т. 2. С. 391; Молодин, Комиссаров, 2001]. Для предметного комплекса данной коллекции все эти компоненты представлены в полной мере. Первый (алтайский культурный компонент) проявляется в типичных бронзовых предметах – наконечниках копий, кельтах и ножах-кинжалах. Второй (центрально-азиатский) вполне наглядно представлен металлической личиной с гипертрофированным носом, аналогии которой известны на территории Синьцзяна. Такое органичное слияние различных культурных составляющих явно соответствует периоду наибольшего «расцвета» сейминско-турбинского феномена как транскультурного евразийского явления в период XVII–XVI вв. до н. э. Именно в это время как на западе, так и на востоке Евразии, отмечалась активизация интеграционных культурных процессов [Черных, Кузьминых, 1989. С. 261].

При оценке значимости восточных регионов Евразии для локализации территорий с максимальной насыщенностью предметными комплексами сейминско-турбинского времени следует отметить особенности географического контекста расположения Пышминской коллекции. Ее локация достаточно любопытна. К западу (на Среднем Урале в районе верховий Пышмы) находится один из культовых комплексов эпохи бронзы – Шайтанское Озеро II, располагающий достаточно обширным собранием металлических предметов сейминско-турбинского типа [Серигов и др., 2009. С. 71. Рис. 5; С. 73. Рис. 7]. Для территорий восточнее нижнего течения Пышмы (Среднее Прииртышье), а также нижнего и среднего течения Оми, характерно не только обилие, но и разнообразие сейминско-турбинских предметов [Молодин, Нескоров, 2010]. Отмеченные пространственные особенности позволяют специалистам, рассматривать эту часть Западной Сибири как особый район в рамках самусько-сейминского транскультурного феномена. В связи с этим следует отметить, что наиболее знаковые предметы Пышминской коллекции (ножи, наконечники копий, кельты и личина) вполне соответствуют такой историко-культурной интерпретации. Поэтому ее можно рассматривать в контексте двух фаз распространения (как последствий процессов быстрого перемещения и стабильного обитания на определенной территории) носителей сейминско-турбинской культурной традиции [Черных, Кузьминых, 1989. С. 261]. В таких рамках, очевидно, существовали два пути распространения и концентрации сейминско-турбинских металлических предметов.

Северный путь проходил по лесостепному коридору, на протяжении которого располагалось несколько зон стабильности, среди них Барабинская лесостепь и Северный Алтай [Савинов, 2013. С. 7, 9, 12]. На этой территории, кроме достаточно многочисленных металлических сейминско-турбинских предметов, выявленных в погребальных комплексах, известен еще достаточно многочисленный Ростовкинский клад [Молодин, Нескоров, 2009; Дегтярева, Нескоров, 2015]. Другой – южный – путь проходил по предгорьям северо-запада Центральной Азии и восточным отрогам Тянь-Шаня. Здесь локализовалось несколько зон (очагов) стабилизации – Семиречье (внутренние районы Тянь-Шаня) и Синьцзян (Восточный Туркестан) [Там же. С. 12]. Именно с этими транспортными коридорами явную связь демонстрирует изучаемое собрание.

Заключение

Комплектность изделий Пышминской коллекции, связанной с северным путем распространения и концентрации сейминско-турбинских бронзовых предметов, демонстрирует явную близость к культовым собраниям (Галичский «клад»), в состав которых также входили антропоморфные металлические предметы [Студзицкая, Кузьминых, 2001]. Такое сходство позволяет рассматривать Пышминскую коллекцию в рамках транскультурного феномена – одной из отличительных черт материальной культуры сейминско-турбинского периода эпохи бронзы.

Список литературы

- Басова Н. В., Постнов А. В., Заика А. Л., Молодин В. И.** Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 4. С. 53–65.
- Бауло А. В.** Священные места и атрибуты манси в начале XXI века. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л.** Археологические памятники горной долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
- Бочкарев В. С.** Культурогенез и древняя металлообработка Восточной Европы. СПб.: Инфо-Ол, 2010. 231 с.

- Дегтярева А. Д., Нескоров А. В. Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы (культурная интерпретация) // Вестник антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 32–41.
- Заика А. Л. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Археология. 2013. № 1 (5). С. 35–51.
- Кожин П. М. Древнейший портрет на Енисее // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Археология. 2013. № 1 (5). С. 28–34.
- Колобова К. А., Федорченко А. Ю., Басова Н. В., Постнов А. В., Ковалев В. С., Чистяков П. В., Молодин В. И. Применение 3D-моделирования для реконструкции облика и функции предметов неутилитарного назначения (на примере антропоморфной скульптуры из материалов могильника Турист-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 4. С. 66–76.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Кузьмина Е. Е. Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 13–15.
- Материалы по энеолиту Хакасии из архива А. И. Липского (подготовлено Л. А. Соколовой) // Афанасьевский сборник – 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 210–224.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008. 352 с.
- Матющенко В. И. О северо-западных границах самусько-сейминской общности // Окуневский сборник-2: Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во ГАИ; СПбГУ, 2006. С. 312–321.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 132 с.
- Молодин В. И., Алкин С. В. Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сборник – 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 149–154.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А. Сейминское копье из Цинхая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 374–381.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А., Нестеркина А. Л. Материалы из окрестностей озера Лобнор в фондах Центрального национального музея Республики Корея и их осмысление в контексте современных археологических исследований в Синьцзяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 5: Археология и этнография. С. 69–85.
- Молодин В. И., Нескоров А. В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 58–71.
- Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов // КСИИМК. 1957. Вып. 67. С. 144–146.
- Погребенные царства Китая. М.: Изд-во «Терра – Книжный клуб», 1998. 168 с.
- Савинов Д. Г. О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 8. С. 5–16.
- Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уралский рабочий, 2011. 192 с.
- Сериков Ю. Б., Корочкова О. И., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.
- Стафутти С., Романгнони Ф. Китай. История и сокровища античной цивилизации. Астана: Фолиант, 2015. 208 с.
- Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад» (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: [Б. и.], 2001. С. 123–165.
- Черных Е. Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 368 с.; Т. 2. 433 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Molodin V. I. Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia (iconography and semantics) // Искусство бронзового века: Материалы междунар. симп. Новосибирск; Берлин: [Б. и.], 2015. С. 189–210.

References

- Basova N. V., Postnov A. V., Zaika A. L., Molodin V. I.** Predmety mobil'nogo iskusstva iz mogil'nika epokhi bronzы na poselenii Turiist-2 [Items of mobile art from the burial ground of the Bronze Age in the settlement of Tourist-2]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2019, no. 4, p. 53–65. (in Russ.)
- Baulo A. V.** Svyashchennye mesta i atributy mansi v nachale XXI veka [Sacred places and attributes of Mansi at the beginning of the 21st century]. Khanty-Mansiisk, Ekaterinburg, Basko Publ., 2013, 208 p. (in Russ.)
- Bochkarev V. S.** Kul'turogenez, i drevnyaya metalloobrabotka Vostochnoi Evropy [Cultural Genesis, and Ancient Metalworking of Eastern Europe]. St. Petersburg, Info-Ol Publ., 2010, 231 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L.** Arkheologicheskie pamyatniki gornoj doliny nizhnei Katuni v epokhu paleometalla [Archaeological sites of the mountain valley of lower Katun in the era of the paleometal]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2013, 220 p. (in Russ.)
- Chernykh E. N.** Kul'tury nomadov v megastrukture Evrazijskogo mira [Culture of nomads in the megastructure of the Eurasian world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013, vol. 1, 368 p.; vol. 2, 433 p. (in Russ.)
- Chernykh E. N., Kuzminykh S. V.** Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Sejm-Turbino phenomenon)]. Moscow, Nauka, 1989, 320 p. (in Russ.)
- Degtyareva A. D., Neskoren A. V.** Rostovskinskii klad bronzovykh izdelii epokhi bronzы (kul'turnaya interpretatsiya) [Rostovkin treasure of bronze products of the Bronze Age (cultural interpretation)]. *Vestnik antropologii i etnografii* [Bulletin of Anthropology and Ethnography], 2015, no. 3, p. 32–41. (in Russ.)
- Kolobova K. A., Fedorchenko A. Yu., Basova N. V., Postnov A. V., Kovalev V. S., Chistyakov P. V., Molodin V. I.** Primenenie 3D-modelirovaniya dlya rekonstruktsii oblika i funktsii predmetov neutilitarnogo naznacheniya (na primere antropomorfnoi skul'ptury iz materialov mogil'nika Turiist-2) [The use of 3D modeling for reconstructing the appearance and function of non-utilitarian objects (by the example of an anthropomorphic sculpture from materials from the burial ground Tourist-2)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2019, no. 4, p. 66–76. (in Russ.)
- Kosarev M. F.** Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow, Nauka, 1981, 278 p. (in Russ.)
- Kozhin P. M.** Drevneishii portret na Enisee [The oldest portrait on the Yenisei]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai], 2013, no. 1, p. 28–34. (in Russ.)
- Kuzmina E. E.** Klad epokhi bronzы iz Karakola [Treasure of the Bronze Age from Karakol]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archaeology], 1968, iss. 114, p. 13–15. (in Russ.)
- Materialy po eneolitu Khakasii iz arkhiva A. I. Lipskogo (podgotovleno L. A. Sokolova)** [Materials on the Eneolithic of Khakassia from the archive of A. I. Lipsky (prepared by L. A. Sokolov)]. In: Afanasievskii sbornik 2 [Afanasievsky collection 2]. Barnaul, Azbuka Publ., 2012, p. 210–224. (in Russ.)

- Matveev A. K.** Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar' [Geographical names of the Urals: Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg, Sokrat Publ., 2008, 352 p. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I.** O severo-zapadnykh granitsakh samus'sko-seiminskoi obshchnosti [On the northwestern borders of the Samusko-Seyminsk community]. In: Okunevskii sbornik 2 [Okunevsky collection 2]. St. Petersburg, GAI, St. Petersburg State Uni. Publ., 2006, p. 312–321. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I., Sinitsyna G. V.** Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska [The burial ground near the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 1988, 132 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia (iconography and semantics) [Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia (iconography and semantics)]. In: Iskusstvo bronzovogo veka. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [Bronze Age Art Materials of the International Symposium]. Novosibirsk, Berlin, 2015, p. 189–210. (in Russ.)
- Molodin V. I., Komissarov S. A.** Seiminskoe kop'e iz Tsinkhaya [Seima spear from Qinghai]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, p. 374–381 (in Russ.)
- Molodin V. I., Komissarov S. A., Nesterkina A. L.** Materialy iz okrestnostei ozera Lobnor v fondakh Tsentral'nogo natsional'nogo muzeya Respubliki Koreya i ikh osmyslenie v kontekste sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy v Sin'tszyane [Materials from the surroundings of Lake Lobnor in the funds of the Central National Museum of the Republic of Korea and their interpretation in the context of modern archaeological research in Xinjiang]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2019, no. 5, p. 69–85. (in Russ.)
- Molodin V. I., Neskorov A. V.** Kolleksiya seiminsko-turbinskikh bronz iz Priirtysh'ya (tragediya unikal'nogo pamyatnika – posledstviya bugrovshchichestva XXI veka) [The collection of the Seima-Turbino bronzes from the Irtysh region (the tragedy of a unique site destroyed by unauthorized excavations in the 21st century)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2010, no. 3, p. 58–71. (in Russ.)
- Molodin V. I., Alkin S. V.** Pamyatniki afanas'evskogo vremeni na severo-zapade Kitaya (Sin'tszyan) [Monuments of Afanasyev's time in the north-west of China (Xinjiang)]. In: Afanasievskii sbornik 2 [Afanasyevsky collection 2]. Barnaul, Azbuka Publ., 2012, p. 149–154. (in Russ.)
- Moshinskaya V. I.** Balandinskii klad bronzovykh instrumentov [Balandin's treasure of bronze instruments]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications from the Institute of the History of Material Culture], 1957, iss. 67, p. 144–146. (in Russ.)
- Pogrebennyye tsarstva Kitaya [Buried Kingdoms of China]. Moscow, Terra – Knizhnyi klub Publ., 1998, 168 p. (in Russ.)
- Satyga XVI: seiminsko-turbinskii mogil'nik v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri [Satyga XVI: Seima-Turbino burial ground in the taiga zone of Western Siberia]. Ekaterinburg, Ural'skii rabochii Publ., 2011, 192 p. (in Russ.)
- Savinov D. G.** O dvukh putyakh rasprostraneniya bronzovykh izdelii seiminskogo tipa na vostok [About the two ways of distribution of bronze objects of the Seymin type to the east]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2013, no. 8, p. 5–16. (in Russ.)
- Serikov Yu. B., Korochkova O. I., Kuzminykh S. V., Stefanov V. I.** Shaitanskoe ozero II: novye syuzhety v izuchenii bronzovogo veka Urala [Shaitan Lake II: new subjects in the study of the Bronze Age of the Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2009, no. 2, p. 67–78. (in Russ.)
- Stafutti S., Romangnoli F.** Kitai. Istoriya i sokrovishcha antichnoi tsivilizatsii [China. History and treasures of the ancient civilization]. Astana, Foliant Publ., 2015, 208 p. (in Russ.)

- Studzitskaya S. V., Kuzminykh S. V.** Galichskii “klad” (k probleme stanovleniya shamanizma v bronzovom veke Severnoi Evrazii) [Galich “treasure” (on the problem of the formation of shamanism in the Bronze Age of Northern Eurasia)]. In: *Mirovozzrenie drevnego naseleniya Evrazii* [The worldview of the ancient population of Eurasia], 2001, p. 123–165. (in Russ.)
- Zaika A. L.** Sertsevidnye lichiny v petroglifakh Yuzhnoi Sibiri [Heart-shaped masks in petroglyphs of South Siberia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai], 2013, no. 1, p. 35–51. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
13.03.2020

Сведения об авторах

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
altaicenter2011@gmail.com
ORCID 0000-0002-6312-1024

Оборин Юрий Владимирович, независимый исследователь (Красноярск, Россия)
oborin.yur@yandex.ru

Information about the Authors

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
altaicenter2011@gmail.com
ORCID 0000-0002-6312-1024

Yuri V. Oborin, Independent Researcher (Krasnoyarsk, Russian Federation)
oborin.yur@yandex.ru